

ПОЗДНИЕ СТАНСЫ

* * *

Много рябины, солоду,
ив – на обрывах Леты.
Делавший в книгах смолоду,
как дурачок, пометы,
запер я ближе к холоду
рамы на шпингалеты.

Это не то что средние
годы мои прошли,
это, считай, последние
годы меня нашли.

Днём всё пытались в целое
тучи сложиться, но
чаще клубилось белое,
тёмным подпалено,
и колтуны несжатые
ветер трепал хлебов,
вызвавшись в провожатые...

Я же заместо снов
в ночь раскалённо-тусклую
вижу, как смотрит на
нашу пучину русскую
с трупным пятном луна.

Римская набережная

Памяти Е. Ш.

Реки имеют свою природу,
не ясную до конца.

Много втянула в себя народу
их тёмная зеленца.

Брусчатка набережной, карниз
над рустом щербат везде.

И слышится шевеленье крыс
в береговой тресте.

Одни подгнившие невода
ракит шелестят вдогон

тому, кто встарь приходил сюда
и вглядывался в планктон.

Спроси у месяца, у звезды:
зачем они заодно

с пучинным током ночной воды...
И мнится, не под Ливорно, но

здесь Шелли, блузы не сняв, погиб,
что с вольного взять певца?

Он думал форсировать брассом Тибр,
и Тибр не пустил пловца.

Иван да Марья

Иван-да-марья да львиный зев
мироточили окрест когда-то

давно в полуденный разогрев.
Ищи-свищи теперь виноватых

в засилье нынешнего репья.
И палисад с сиротой рябиной

необитаемого жилья
нам отвечает тоской звериной.

Давно заволжское вороньё
угомонилось уж в кронах сосен.

А годы, годы берут своё
с заплечным грузом, чей вес несносен —

из-за коробочки порошка
зубного явно не с рынков новых,

ветровки, занятой у дружка
на время северных дней суровых.

Была ведь молодость без угла,
узкоколейкой тряслись в вагонце,

и ты в испуге, что ночь прошла,
кивнула на киселёк в оконце,
где отразилось твоё лицо
поверх бегущего перелеска

.....

У других отторжение, вспомнят — вздрагивают,
ничего её не любя.

А меня Россия затягивает,
втягивает в себя.

Война и мир

Снова старик Солярис
в дальнем углу вселенной
воспроизводит что-то:

усадебные ворота,
боярышник и физалис,
жизни клочок смиренной...

Муаровой промельк юбки
упрямицы, верной трону,
и никакой уступки
заезжому фанфарону,

вернее сказать, поэту.
Уснувший на сеновале,
он сделался схож к рассвету
с охотником на привале.

Некогда там, далече,
и бытовалось проще,
и помиралось легче,
как светотени в роще,

откуда в окошко пташка
влетела и растрепала
сальный темляк на шашке
покойного генерала.

13 сентября 2011

Памяти Фета

Казалось, в ногу с практичным временем
иди, забыв про любовь и жалость.

Но над лысевшим с годами теменем
пространство звёздное разрасталось.

Как быть тут с музыкою взыскующей
в одной луной освещённом зальце,

где весь раскрыт, будто топь, бликующий
рояль – при беглости в каждом пальце...

Нет, мир не воля и представление,
что на него положили глаз мы,

а на амбарном клочке творение
про ночь и слёзные в горле спазмы.

Под спудом в крипте села Клеймёнова,
где сыровато и мало света,

каким-то чудом до лета оного
не потревожены мощи Фета.

Октябрь 2011

* * *

С. Кистенёвой

Вдруг шепоток недолгий:
– Копи царя Бориса,
Красная слобода
где-то в верховьях Волги...

Антоновки и аниса
был урожай тогда.

И дотемна играли
в городки пацаны.
А у отцов – медали,
лица обожжены.

Там, как запретный пряник
иль дорогой трофей,
прятал киномеханик
в круглых коробках змей.

Много позднее сшила
мать, изумив родных,
из светлого крепдешина
платье для выходных.

Падкий на золотишко
маугли сникших роц,
соберу-ка я рюкзакишко,
чтоб оставался тощ.

Осени подмалёвки...
Будет вопрос решён
даже без поллитровки.

Только держись, ветровки
сплющенный капюшон!

Грешнево

Золотисто-иконостасные
дни такие, что на колени

опускаешься, видя красные
капсулы шиповника в светотени.
Нет, моя Россия не для запойного
дурака на селе ли, в городе,
но для верного, беспокойного
сердца, что горячо и в холоде.

Но она и для сердца падшего.
Ездил в Грешнево – там в печи
темнота; шелестит опавшее...
Вот и снится с тех пор в ночи

разорённый склеп Некрасова старшего:
осыпная яма и кирпичи.

5 октября 2011

Поздние стансы

С землёй теперь не поспоришь –
с тех самых десятилетий,
как лёг в неё первый кореш,
а следом – другой и третий.
Но она опустилась
во вред соловью и пенке,
да так, как, поди, не снилось
какому-нибудь Лысенке.

Выбрал бы жизнь другую:
того, кто, проснувшись рано,
лил себе ледяную
на мозжечок из крана,
или того, кто долго
любил поваляться с книжкой,
или того, кто чёлкой
тряс, как последней фишкой.

Но оборвались сроки,
не доисполнясь даже,
спортсменов и лежебоки.
В новом зоне я же,
траченный болью, солью,
видя, как ты красива,
начал смиряться с ролью
частного детектива.

Правда, ещё остались
нетронутые глубины,
куда мы уйти пытались
и вынырнуть, выгнув спины.

Да разве кому-то с нашим
дыхательным аппаратом
в лазоревой толще станешь
товарищем или братом?

Всё-таки только небу
сегодня я доверяюсь,
единому на потребу,
робеючи, приобщаюсь.
Как будто после пробежки
голову задираю
и будущих странствий вешки
заранее расставляю.

Сентябрь 2011

* * *

Как работяг на полюсе,
где замерзает ртуть,
ветер сгибает в поясе
и не пускает в путь.
Всё интенсивней тёмное
светлого визави.
Много осталось тёплого
в старой моей крови,
тёплого и мятежного.
Но в гулевой груди
ласкового и нежного
зверя не разбуди.

Стать бы тобою чаемым,
вновь заплутав в пути,
малоимущим фраером
лет двадцати пяти
с траченным примой голосом.
Чтоб у замёрзших рек
сыпался нам на волосы
и парусинил снег.
Чтобы вдвоём с усильями
шли мы рука в руке,
шли...
И вожатых с крыльями
видели вдалеке.

2012

С ДОВЕРИЕМ К ХОЛОДАМ

* * *

Что узнала душа зэка,
чьё тело с биркой
осталось в замороженной яме,
не догадываюсь никак.
Быть может, ей уже и не надо
было спрашивать ни о чём.

Но мы-то тут проживаем в недоумении,
которое есть соблазн:
ибо простой вопросец –
зачем же так? –
мешает чистосердечному покаянию,
вводит в прелесть,
что всё тщета,
и мешает духовной мобилизации.

Живём в сомнении, в расслабuxe:
одно дело – праведные байки
про «жизнь после смерти»
заокеанских баптистов,
побывавших в коме
на проглаженных простынях,

другое – смерть Мандельштама,
несметных узников лагерей.

Своими сомнениями
совестно мне делиться,
выставляя на всеобщее обозрение
йоту веры своей,

но во мне они, что кислоты,
разъедающие остаток дней.

* * *

Слабая лента с Моникой Белуччи –
шеи взъём, у плеча бретелька –
старикам, подсевшим на сериалы,
может показаться шедевром.
Человека, которому под полтинник
и которому нравится мир всё меньше,
взгляд трезорки встречного сиротливый
может отрезвить и прибавить силы,
даже устыдиться своей щетины.
Стал уже привычнее матерщины
бронхиальный кашель для перепонки.
У шалмана подвыпившие мужчины
ждут из туалета своих бабёнок.

Неожиданно прихватил морозец
барбарис, рябину и черноплодку,

хорошо их ягоды класть за щёку,
под язык – и мне это винограда
ну, не слаще...
А просто душа им рада.

И красавица итальянка в теле,
что почти не кажется человеком,
и бездомный пёс, что всегда при деле,
и плоды из русских садов под снегом
пусть пока не знают, кто им хозяин.
Помнишь карамазовский пестик в ступе?

Хоть московских гетто, то бишь окраин,
огоньки всё ближе к моей халупе.

* * *

Оставлял подруг, поступился славой
и баблом – за ради живого слова.
Целый день один, не звонит мобильник,
не по разу читаны с полок книги.
Но зато не предал свои привычки,
ни когда другие прогнули выи,
ни когда столичные истерички,
без ума от шоковой терапии,
на меня клепали, что чуть не красный.
Выходил в опорках на босу ногу
на крыльцо – и день в ноябре был ясный.
Грешен в том, что слишком нетерпеливо
ожидал поддержки от сил небесных,
но и мысленно от врагов Христовых
не искал я бонусов интересных.

Этим летом выпало Подмосковью
пережить нашествие древоточца.
Лес теперь от дому до окоёма
обездвиженных порыжевших елей.
Мы не сразу поняли, разглядели,
что за нашим старым окном творится.
Ведь уже лет двадцать, как эти ели
помогали вовремя сердцу биться...
Пережившие многое здесь деревья
не глупей животного, человека.
Эх, да что, да они умнее,
во сто раз разумнее человека!
Но и их поела исподволь гнида.
Не к добру опрокинутая солонка.

Убыль русских тоже видна как вида,
словно нас затягивает воронка.

* * *

Раскидистые холки старого барбариса
с красными висюльками ягод.

И чуток снежка в монастырских стенах
с кирпичом, буреющим сквозь побелку.

Здесь была колония малолеток –
зэчек, которым не стукнуло восемнадцать,

шивших варежки под сводами цеха,
прежде корпуса братских келий.

А теперь тут Толгская Божья Мать,
перед ней паломники на коленях.

На поклёв сюда прилетают птицы
и сидят потом у крутых ступеней.

Много-много знают теперь черницы
тихоструйных ангельских песнопений.

Хорошо, но я вспоминаю зэчек
у пугливых свеч и иконной охры.

Где-то тут ведь грелись они у печек
и боялись ночью глумливой вохры.

От цинги спастись б, как овцам, им бы
барбарисом, и над головами нимбы...

Вот стоишь уставшим от говоренья
стариком на пригородной платформе,

про себя страшась то огня, то тленья,
то загробной жизни в неясной форме.

Возле Волги

Светлане Ершовой

Отель, преемник старого дебаркадера,
вморожен в прибрежный лёд.
В темноте там слышатся скрипы, шелест:
видно, не до дна проморожено русло
и ищет выход себе шуга.

Ничего за окном не видно под утро,
разве что размытый шар фонаря
ещё не погас – но кому он светит
Бог весть.

Каждый раз возвращаясь к себе на родину
отстоять над холмиком матери панихиду,
боковым зрением замечаю
имена знакомые на надгробьях.
И смиряюсь с убылью прежней веры
в воскрешение Лазаря русских смыслов,
заставлявшей сутками биться сердце.

Там погостных рощ в серебре руно,
а за ним от будущих вьюг темно.
Тишина такая, как не бывает. Но,
оскользнувшись вдруг на мостках скрипучих,
мнится, слышу давний ответ уключин,
когда в майке, свой потерявшей цвет,
форсировал Волгу в 15 лет.

* * *

И. П.

Долго-долго искали мы переправу:
деревянный мост? настил на понтонах?
иль хрипастый лодочник слабосильный?
Сумерки сгустились мгновенно,
темнота же так и не наступила.
Берег глинистый с вытопанной травой
и негромкие разговоры
всё о том же, только без интереса:
«Двадцать лет воровской малины»...
«Убивали раньше, теперь воруют,
выходя за мыслимые границы»...
Но уже понятно, что близко к сердцу
эту муть мы больше не принимаем.
Чур меня, франтоватый пройда,
обезьяна в маске, батёк на мерсе.
Ничего нам больше от вас не надо,
ни стыда, ни совести, ни признанья
вашей слабости перед нашей силой.

Между тем накрапывало. И зыби
плеск разнонаправленный за кормою
становился въедливей, тише, тише.
Хватит с нас и прежней земной тревоги.

Вспомнил кадры любительской киноленты:
до чего ж поджарый ты был волчонок
в восемнадцать лет, а твоя подруга –
для Петрова-Водкина, не для нашей
застывавшей жизни шестидесятых.
Как дождит старинная кинолента!
В шёлковой рубашке не зябко милой?

В страшный сон вкрапленье того момента
наделяет сердце нездешней силой.

Ноябрьская элегия

*Стала я подругой мужа
и теперь из-за реки
вижу родину всё ту же,
те же в рощах огоньки.
Е. С.*

Подчистую сдули листву ветра,
забурев, на землю она упала.

Тишина такая – как до Петра
перед самым благовестом бывала.

Барбарис от холода потемнел,
клонит гриву, схваченную морозцем.

Я стоял за лирику как умел,
став её поверженным знаменосцем.

За рекою роща обнажена,
и зажётся вдруг огонёк ночлега.

От греха подальше накинь, жена,
шерстяной платок накануне снега.

Скоро волны белые будут спать
и фосфоресцировать у порога,

а несметность космоса искушать
неопределенностью – и мешать
прямодушной вере в живого Бога.

30 ноября 2012

Перед снегом

Н. Струве

В патине инея шиповник красный
и друг его — барбарис гривастый.
А день то пасмурный, то снова ясный,
нам разом близкий и безучастный.

Бывает жемчуг холодный, холодный до серизны,
бывает палевого оттенка —
и то и то сегодня над нами:

бесшумная маневренность облаков,
приобретающих консистенцию дымки
и перистого тумана,
тусклое жерло солнца, на которое не больно смотреть...

Это ли небеса,
где обетовано насытиться правдой?

18 декабря 2012

Рисунок

А. и М. Якутам

Утренний ровный свет
стеклянного потолка.
На ватмане твой портрет
рисует моя рука
твёрдым карандашом.
И это в разы трудней
натурщицы нагишом
и яблок, сравнимых с ней.
Тем паче нормандских скал,
призрачных их громад,
где старый прибой устал
и стал отступать назад...

Нынче на склоне лет
всё-то моё добро –
грифеля беглый след,
тёмное серебро.
Но всё светлей и светлей
ровный лист под рукой —
без паспарту, полей
он будет один такой.
Не вспышки сангины, не
масло с густым мазком
у нищих духом в цене,
а то, как ты мнёшь во сне
наволочку виском.

НЕИСПРАВНЫЕ ВРЕМЕНА

* * *

Хоть много гонимых судьбою взашей
друг другу вдогон полегло корешей,
я голову всё ещё прямо несу,
как гордый ефрейтор в Катынском лесу.

Не бойся движенья – себе же щепчу,
как будто шепчу своему палачу, –

туда, в зарубежье отмеренных лет,
где нету пространства и времени нет.

Но вдруг там, как грешная жизнь не худа,
заволжские впрок прихватив холода,
я с Елизаветою, Божьей работой,
ослепшая матушка, встречу с тобой.

В ТЕАТРЕ

Будто приметивший в шекспировском действе
ведёрко с суриком
на случай новых кровопролитий,
гляжу в закулисы мира.
Но всё больше одолевает тревога:
неужели нынешнее сгущенье
катастроф, обстоятельств, третирования России
приведёт к чему-то,
за что всем придётся ответить
вряд ли правильным последним ответом
и уже не на скрипучих подмостках?

А нарумяненный лицедей,
после успешных схваток
шатающийся как пьяный
среди бутафорских дебрей и сиреневых валунов –
не унять ослепшего от софитов –
заскулив,
метнётся в ряды партера,
доберётся и до галёрки.

XI.2014

* * *

Евг. Карасёву

Я глазам и ушам не верю:
ладно, люди – целые государства
превращаются в неуёмных
шавок, лающих на Россию,

отстоявшую бухты Крыма,
соплеменников, память сердца,
тень последнего своего монарха.

Если б мне такое в 80-х
напророчил кто-нибудь,
я, пожалуй,
у виска покрутил бы пальцем,
только в мнении своём укрепившись:
мол, всё это байки для бестолковых,

осовеченных, оглуплённых граждан –
байки, что мы миру чужие.

Но забыть приходится день вчерашний.
Неужели то, чему суждено, случится?
«Поднимите мне веки!» - командовал монстр из страшной
сказки Гоголя, таинственного провидца.

Говорят, что янки (а ты, брат, жалок)
все в одной корзине не держат яйца.
Так факир под бой барабанных палок
из цилиндра за уши вынул зайца.

сентябрь 2014

НОВЫЙ ВИЛЬНЮС

В вильнюсских позлащённых кронах,
в захолустном, милом душе барокко –
закрепилась память о нашей нищей
молодости с мятежным перцем.
До того, как затрещала по швам держава,
слишком многим успевшая опостылеть,
воздух здесь казался поразрежённой.

Всё теперь в Литве по-иному:
тут натренировывают сознание
и подкорку простодушных аборигенов
на одно:
враг номер один – Россия,
хищник, клацает челюстями,
зарясь на литовское горло.

А спасенье – в юбках брюссельских геев,
записавших русских людей в злодеев.

Всё ещё уляжется, утрясётся –
про себя шепчу я немым движеньем
губ, не давая прорваться звуку.
Тишина такая...
Глянь-ка за баллюстрадку:
колония лилий прибилась к берегу
и дрейфует на йодистой, тёмной,
вполне питьевой воде.

IX.2014

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ЗАКАТЕ

*Ещё сердолики
не стали тогда мародёров*

*добычей – и крики
там чаек хрипы от укоров.*

Великолепие, затрапеза,
богемность Крыма.
И наша встреча у волнореза
как пантомима.

Вот так же некогда повстречались
Эфрон с Мариной...
По небу гряды перемещались
тьмы голубиной.

Он с войском, терпящим поражение,
ушёл за море.
Есть белизна и в моём служенье,
его растворе.

Жизнь отмеряет нам срок за сроком,
блания отсрочкой.
Вон огоньки на мысу далёком
зажглись цепочкой.

IX.2014

ПОД ВЯЗЬМОЙ

Есть место им в полях России...
Пушкин

На весах Вязьмы минувшим летом
гостил, – где некогда в аккурат
под старой липой с подсохшим цветом
спал на походной кошме Мюрат.

Есть безответная, вероятно,
загадка, кто б ни давал приказ,
в немотивированных затратных
бросках в Россию армейских масс.

Живой, как пишется в сводках, силы
без счёту тут полегло, и вот
теперь поля её суть могилы
своей и многих чужих пехот.

И только певчие невидимки
их тут и чествуют в заревой
слоящейся по бурьянам дымке
ещё при звездах над головой.

2014

ОСЕНЬ В БИБЛИОТЕКЕ

Окно

с многослойным подвижным золотом,
с вкраплениями рябины
ослепляя, не освещает
усадебной темноватой библиотеки,
запущенные тома
старых европейских искусствоведов,
без методологии, чистых сердцем...

С возрастом я сделался аутистом.

С ними мне удобнее,
чем с живыми.

Вот уйду, и кто их ещё откроет?

Кто их, неподъёмных, поднимет?

Разве что внучка Софья

вдруг узнает холодок моих пальцев,
по-над тусклой залежалой страницей
всё стараясь сфокусировать зреньё...

28.IX.2014, Поленово

* * *

В непосильные, неисправные времена
разве что и держат на плаву какие-то фрагменты реальности:
вот сирень рвётся из церковной ограды,
всею тяжестью на неё навалившись;
вот колония лилий в йодистой дрейфует воде;
а зимой с плакучих ветвей
посыплются изморози радужные крупицы...

Есть в Ипатьевской обители образ

«Не рыдай Мене Мати».

В теснёном, огибающем изображенье, окладе

Мать с истощённым пытками Сыном.

Выглядят как сверстники, одногодки.

Вся она – отчаянье, вопрошанье,

положила ладонь Ему на грудную клетку,

словно тщится утишить боль.

Он же – весь уже не с ней и не с нами.

Снег завалит берега костромские.

Наконец, приспеют сроки молиться –

как бы только не последние сроки –

в меру веры не спасение уповая.

IX.2014

Памяти Н.М. Любимова

Поветшавший томик молитвослова
с выцветшей шёлковистой закладкой –
от времён подсоветских лютых,
православных бдений полуподпольных.
Самым краешком зацепил ту пору
я в послевоенном её изводе.
Засыпая при трепетном огонёчке,
всё глядел на бабушкины поклоны.
В том же доме старые мологжанки,
как теперь домысливаю, монашки,
на заказ под вырезами сорочек
вышивали кисточки барбариса.
Двор зарос лекарственной ромашкой.
Что крещён в младенчестве, в полной тайне,
я и не догадывался до самой
вегетарианской оттепельной болтанки...

Тютчев завещал не роптать на время.
Я и не ропщу – ни вождя, ни сыска.
Но зачем разверзлась над нами всеми
до глубин космических зона риска?

27.X.2014

ЗЛОВЕЩАЯ ЗАРИСОВКА

Предрождественской, предпраздничною порою
на посверкивающем лондонском перекрёстке
встреча мужчин в приталенном кашемире.
«С наступающим» - негромкие баритоны.
Сумерки потемнели.

Кто они? Братки девяностых,
уцелевшие в убойных разборках?
Уж скорей, пожалуй что, их патроны
родом из комсомола.
Новоиспечённые джентльмены.

2014

КРОВОТОК

Ирине Сурат

В декабре сосновая чешуя
золотится над целиною снега.
И свежей волнистая колея
от несостоявшегося побега.

Ссылный поспешил оборвать досуг,
и, пока шатаются трон и вера,

на плацу Сенатском явиться вдруг
заодно с бастардами Робеспьера.

Так что девам в платьях, похожих чуть
по тогдашней моде на пеньюары,
высоко под утро вздымали грудь
апокалиптические кошмары.

Только хвою тёмную теребя,
не пустил Творец своего абрека:
молодого, ищущего себя,
но уже великого человека,

чьи создания за пеленой снегов –
кровок России без берегов.

6. I. 2015

ПЕРЕПРАВА

Памяти А. В. Тимирёвой

Путь задолго до моста через Волгу
был в снегу отмечен вешками веток.

Летом, осенью - паромная переправа,
в ноябре ещё с нахлёстами ветра...

Тёмная на корме фигура
в шляпке, напоминавшей кубанку,
перетянутой для тепла косынкой.

В ту худую, ненадёжную пору
о судьбе и одиночестве *ссылных*
жизнь ещё мне правду не рассказала.

Но малец, от беспричинной тревоги
крепче сжал я мамину руку.
Заершились дальние огонёчки.

Линза времени становится толще,
замутняется от текучих капель.

Та, уже предзимняя переправа -
не прообраз ли иной, предстоящей?

30.IX. 2015

© Юрий Кублановский, 2012–2015.

© Центральная библиотека имени М.Ю. Лермонтова ЦБС города Ярославля, 2012-2015.